

Нин Цзиньянь затуманенным взором смотрела на мужчину, что был сейчас над ней. Его черты лица — четкие, словно высеченные из камня, широкие плечи, узкая талия и характерный для людей царства Цинь прищур глаз с приподнятыми уголками — источали невероятное мужское обаяние.

Глубоко внутри она ощутила странное, сладкое покалывание. В этот миг задача по рождению наследника показалась ей совсем не плохой: делить ложе с величайшими властителями истории, которые сами по себе были словно драконы среди людей...

Действительно, стоило в сознании принять Пилюлю безболезненности, как телу стало куда легче. Даже сам Шихуан Чжэн почувствовал, как женщина под ним постепенно расслабляется, отвечая на его движения. Его фениксовы глаза сузились, изучая кожу женщины, внезапно ставшую удивительно нежной и сияющей.

Нин Цзиньянь только хотела порадоваться тому, какой выгодной оказалась эта сделка, как вдруг мужчина задал ей ледяной, пронизывающий вопрос.

Шихуан Чжэн оказался подозрителен, как и гласили легенды.

Не обращая внимания на то, что император продолжал свои действия, Нин Цзиньянь мысленно метнулась вглубь сознания и отвесила Фубао щелчок по лбу:

— Почему ты не сказала, что баллы могут еще и сниматься?

Фубао, виновато пряча глаза, прошептала:

— Если есть прибавление, значит, должно быть и... вычитание! Таковы правила.

Нин Цзиньянь скрестила руки на груди и усмехнулась:

— Хватит нести чушь! Говори, как это исправить?! В истории все знают, что Шихуан Чжэн ненавидит женщин! Если баллы будут так таять, когда я вообще смогу родить Сына Удачи?!

Фубао, потирая лоб, поспешно затараторила:

— Не злись! Я помогу тебе выполнить задание. У меня есть полный набор вспомогательных предметов и курсов по обольщению мужчин! Всё, что душе угодно! Обещаю, ты останешься довольна!

Она сделала угодливое выражение лица, до смерти боясь, что Нин Цзиньянь решит бросить всё на полпути. Затем, одарив ту сладкой улыбкой, попыталась успокоить:

— В качестве награды за твою первую близость с императором, позволь мне предложить тебе на выбор: Пилюлю безболезненности или Пилюлю Нефритовой кожи и Ледяных костей?

— Хочу обе! — сквозь зубы процедила Нин Цзиньянь.

Она взглянула на Фубао и добавила:

— И еще: ты, кажется, забыла ввести меня в курс сюжета?!

Мозг Нин Цзиньянь лихорадочно заработал, она снова воззвала к Фубао:

— Что происходит? Очки симпатии не прибавились, а убавились? Ты опять забыла рассказать мне предысторию?

Фубао, не говоря ни слова, поспешно впихнула в сознание Нин Цзиньянь поток воспоминаний. Словно в калейдоскопе, перед глазами замелькали картины.

Оригинальная владелица тела по имени Цзинь была всего лишь ничтожной рабыней, отвечавшей за уборку во дворце Чжантай.

С самого момента восшествия на престол император Чжэн всю свою страсть отдавал государственным делам, а к военным походам и расширению границ относился с особым рвением. Это было следствием его тяжелого детства, когда он жил заложником в царстве Чжао. Испытав на себе все невзгоды и унижения, он закалил свой характер, как сталь, и поклялся сделать Великое Цинь властителем мира.

Хотя в гареме насчитывались десятки принцесс и наложниц, присланных из других царств ради союза, — все как одна красавицы, — никто из них до сих пор не удостоился милости императора.

По двору поползли слухи. Кто-то шептался, будто во время похода на царство Дай император был тяжело ранен врагами в самое сокровенное место и утратил мужскую силу. Ходили даже совсем нелепые сплетни о том, что между ним и генералом Мэн Тянем существует некая предосудительная связь.

В этой тени скрывалась фигура его матери, Чжао Цзи. Она состояла в тайной связи с Лао Аем и даже родила от него двоих сыновей, которые уже подросли. Чжао Цзи лелеяла надежду: если у Шихуан Чжэна не будет наследника, то её сыновья от Лао Ая, будучи братьями императора, вполне могли бы претендовать на трон. Эта мысль, подобно сорняку, пустила корни, и она начала тайно раздувать слухи.

Другие шесть царств, формально покорившиеся величию Цинь, внутри были полны страха и жажды реванша. Они распространяли слухи о том, что агрессия Шихуан Чжэна — это кара небес, а его недуг — божественное возмездие, пытаясь настроить народ против власти.

К счастью, благодаря выдающемуся военному таланту и мудрости, Шихуан Чжэн снискал огромное уважение в армии. Солдаты были преданы ему, а легионы Цинь внушали ужас всему

миру. К тому же, проводимые им реформы приносили пользу простым людям, поэтому не все верили в грязные сплетни. Иначе великий правитель давно стал бы посмешищем для всех.

Нынешнее появление Нин Цзиньянь на ложе императора было лишь проверкой, устроенной госпожой Юэ. Внутри и снаружи дворца Сяньян тысячи глаз следили за тем, как император проводит эту ночь! Те наложницы, что ранее пытались соблазнить императора и были наказаны, ждали провала Нин Цзиньянь. Вероятно, новость о том, что ее почтили вниманием во дворце Чжантай, уже стала главной темой для обсуждения во всем государстве.

Нин Цзиньянь бессильно махнула рукой:

— Такой славы мне и даром не надо!

Сейчас важнее всего было развеять подозрения императора, иначе, как только она покинет ложе, ее ждет неминуемая смерть.

Поняв ситуацию, Нин Цзиньянь изменила позу. Это был ее нынешний главный босс, а ублажать начальство — долг любого офисного работника 21-го века. Почти не раздумывая, она включилась в игру с тем же рвением, с каким в прошлой жизни заключала крупные сделки.

Ее пребывание в море сознания заняло лишь мгновение, и в глазах императора это выглядело как секундное замешательство.

Она, изображая испуг, пролепетала:

— Рабыня лишь подметала во дворе, я не прислуживаю при особе великого государя.

Затем, словно боясь, что Шихуан Чжэн ей не поверит, она закусила губу, и на глазах выступили слезы:

— Госпожа не стала бы посылать такую никчемную рабыню, как я. Великий государь, если вы так мне не доверяете, лучше убейте меня прямо сейчас.

Она не ставила на чувства Шихуан Чжэна, она ставила на его интеллект. Он был слишком умен, чтобы не понять всё, как только она покинет ложе. Сейчас ей нужно было лишь обезопасить себя, чтобы не лишиться головы.

Женщина смотрела на него глазами, полными слез, — чистыми и влажными. Шихуан Чжэну это напомнило олененка, заблудившегося на охоте.

Его кадык дернулся, взгляд потемнел. Он сжал подбородок Нин Цзиньянь и холодно произнес:

— Ты первая женщина, которую я допустил к себе. Если твоё прошлое чисто, я не буду обижать тебя.

Нин Цзиньянь робко посмотрела на него, в ее глазах блестели слезы, а поза была одновременно покорной и притягательной. Это окончательно лишило Шихуана, новичка в делах любви, остатков самообладания.

Ее кожа, белая и нежная, словно фарфор, глаза, полуоткрытые от усталости и подернутые влажным блеском после близости, рассыпанные по плечам черные, как шелк, волосы, едва прикрывавшие одну сторону ее тела...

На теле, гладком, как нефрит, виднелись красные следы недавней страсти. Сочетание невинности юной девушки и пробудившейся женственности было невероятно волнующим.

Его взгляд упал на ее тело, едва скрытое пологом: тонкая талия, которую можно было обхватить одной рукой.

Даже Шихуан Чжэн, обычно холодный и презирающий женщин, не смог остаться равнодушным к этой ослепительной красоте. Его тело снова охватил жар.

Он полулежал рядом с Нин Цзиньянь, одной рукой подпирая щеку, а другой играя с ее черными прядями, и небрежно спросил:

— Как тебя зовут?

<http://bllate.org/book/18474/1772289>